

Священникъ М. В. Леоновичъ.

(Некрологъ).

26-го ноября было погребеніе состоявшаго при храмѣ Спасителя священника Михаила Васильевича Леоновича. Покойный былъ сынъ дьячка, села Василіва, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губ. Семейство его отца, кромѣ его жены, состояло изъ трехъ дочерей и двухъ сыновей. Первоначальное свое образованіе М. В. получилъ въ Вяземскомъ духовномъ училищѣ, — отсюда по окончаніи курса, въ 1871 году поступилъ въ Смоленскую духовную семинарію. Не имѣя средствъ къ содержанію, онъ обратился къ милости о. ректора семинаріи, архимандрита Нестора (нынѣ епископъ Смоленскій и Дорогобужскій), и вскорѣ былъ принятъ въ Аврааміевскій монастырь (находящійся близъ самой семинаріи), — гдѣ пользовался даровымъ помѣщеніемъ и пищею со стола казенно-кошныхъ воспитанниковъ семинаріи. Въ то время такихъ бѣдняговъ, пріютившихся въ монастырь по милости ректора семинаріи, было не мало. По близости къ семинаріи эти бѣдные воспитанники сами ходили на кухню за пищею къ обѣду и ужину, — и не разъ случалось видѣть покойнаго о. Михаила при этой обязанности, поочередно исполняемой каждымъ изъ монастырскихъ воспитанниковъ. Однажды было даже такъ, что за неизмѣнимъ посуды покойный о. Михаилъ въ одномъ кувшинѣ несъ къ обѣду щи, картофель и кашу. Такъ было сильно стремленіе къ образованію, — что на по-

добныя мелочи не обращалось вниманія, и всѣ были довольны своимъ положеніемъ, ибо иначе пришлось бы жить подъ открытымъ небомъ или брать увольненіе изъ семинаріи. Въ этомъ случаѣ нельзя не принести чувства большой благодарности бывшему о. ректору семинаріи Нестору. Участіе его къ положенію воспитанниковъ проявлялось и въ денежной помощи: изъ своихъ собственныхъ средствъ онъ удѣлялъ каждому нуждающемуся воспитаннику и никогда не требовалъ и не напоминалъ о долгѣ. Съ благодарною памятью вспоминаютъ теперь бывшіе воспитанники монастыря о своемъ добромъ и милостивомъ ректорѣ. Въ половинѣ семинарскаго курса покойный о. Михаилъ принятъ былъ на казенное содержаніе, а въ 1877 году окончилъ курсъ съ званіемъ студента семинаріи. По окончаніи курса онъ нѣкоторое время былъ безъ должности и поэтому вынужденъ былъ поступить пока псаломщикомъ въ село Сверколучье, Дорогобужскаго уѣзда. Здѣсь онъ заработалъ себѣ 24 руб. жалованья за полгода;— но не видя возможности какъ-нибудь улучшить свое положеніе на этой должности, въ началѣ 1878 г. занялъ мѣсто надзирателя при Вяземскомъ духовномъ училищѣ. Здѣсь онъ прослужилъ полтора года, оставивъ въ своихъ товарищахъ по службѣ самое доброе о себѣ воспоминаніе. Въ 1879 г. покойный о. Михаилъ поступилъ въ число своекоштныхъ студентовъ Московской духовной академіи. Въ теченіе года онъ однако настолько успѣлъ въ своихъ занятіяхъ, что былъ принятъ въ число Лаврскихъ стипендіатовъ и уже въ продолженіе всего остальнаго академическаго курса пользовался назначенной ему стипендіей. Своими способностями и прилежаніемъ онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе какъ академическаго начальства такъ и студентовъ—товарищей; а своими душевными качествами приобрѣлъ себѣ искреннюю расположенность послѣднихъ. Время шло, научное образованіе покойнаго близилось уже къ концу, оканчивался уже и трудный годъ занятій надъ кандидатскимъ сочиненіемъ,— какъ вдругъ въ маѣ мѣсяцѣ 1882 г. умираетъ его отецъ и осиротѣвшее семейство зоветъ къ себѣ на помощь покойнаго о. Ми-

хаила. Предоставляемъ каждому судить, съ какими чувствами усталый отъ занятій, убитый внезапнымъ горемъ, вступилъ на порогъ своего дома бѣдный сынъ бѣднаго отца, — какихъ тяжелыхъ, нравственныхъ мукъ стоило ему выдержать всю картину семейнаго горя... Измученный нравственно и физически, онъ идетъ къ епископу Нестору, въ Смоленскъ, и просить его преосвященство опредѣлить на мѣсто умершаго отца своего младшаго брата. Во вниманіе къ положенію семейства, добрый архипастырь согласился удовлетворить просьбѣ своего бывшаго воспитанника и вотъ семья, благодаря Бога, получила опять насущный кусокъ хлѣба. Окончивъ свои трудныя и печальныя хлопоты, — покойный о. Михайлъ возвратился въ академію. Здѣсь онъ удостоился услышать лестный отзывъ о своемъ кандидатскомъ сочиненіи Сочиненіе это отослано для напечатанія въ Странникѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1883 г. покойный о. Михайлъ выходитъ изъ академіи съ званіемъ кандидата богословскихъ наукъ.

Теперь предстояли заботы объ устройствѣ своей судьбы. Черезъ три мѣсяца онъ женился въ Москвѣ, на дочери умершаго протоіерея о. Евфимія Михайловича Алексинскаго, Аннѣ Евфимовнѣ, — и поступилъ священникомъ къ храму Христа Спасителя. Жена вполне могла составить его семейное счастье; служебное положеніе давало возможность надѣяться на безбѣдное существованіе. Но только что начала расцвѣтать молодая жизнь, только что началось сладостное и трепетное біеніе сердца у молодой четы при ясномъ взорѣ на свѣтлую раскрывающуюся впереди будущность, какъ уже страшное и злобѣющее дыханіе разрушительной силы проникло въ несчастную семью. Черезъ какія-нибудь полторы недѣли послѣ посвященія бѣдный о. Михайлъ почувствовалъ себя нездоровымъ, — чѣмъ далѣе — все болѣе и болѣе, открылась наконецъ горловая чахотка, — и никакія усилія не могли предотвратить страшнаго роковаго конца. 23 ноября смерть уже намѣченную жертву.

Что чувствовала молодая жена во все время тяжелой болѣзни молодого мужа, — болѣзни, отравившей первые дни ихъ супружества? Что чувствовала она въ минуту роковой

развязки? Можно-ли выразить страданія бѣдной молодой женщины, еще только 18-ти лѣтъ? Можно-ли изобразить весь ужасъ молодости, въ пору своего цвѣта гбнушей подь неотвратимыми ударами жестокой судьбы? Страшный вопль отчаянія, ужасныя истерическія рыданія, раздирающія душу всякаго зрителя—вотъ только слабыя проявленія той душевной бури, которая хлопотала въ груди молодой женщины. Наше слабое перо не въ состояніи представить картину той ужасной драмы, которая разыгралась въ семьѣ молодого священника. Чувство всякаго подскажетъ и дополнитъ недостающія детали въ этой драмѣ.

Въ половинѣ 9-го часа утромъ 26-го ноября священнослужители собрались на квартирѣ умершаго священника. Началась литія. «Благослови, Владыко!» ... «Господи помилуй...» Вдругъ сильный, хватающій за душу крикъ молодой женщины «Миша!...» Какой то трепеть охватилъ всѣхъ присутствовавшихъ, невольная дрожь пробѣжала по всему тѣлу и мгновенно воцарилось молчаніе. Бѣдная супруга упала въ сильный обморокъ. Ее увели... Литія продолжалась... Вдругъ новый,—старческий крикъ: «Мишенька! Миша! Сыночекъ мой!» То голосъ матери, потерявшей свою дорогую надежду, убитой въ своей горячей материнской привязанности. И, Боже, какъ много и какъ сильно выражало это одно слово: «Миша въ устахъ молодой жены и старушки-матери!

Но вотъ подняли гробъ и съ пѣніемъ «Святый Боже» печальное шествіе направилось къ церкви Егатерины мученицы (на Ордынкѣ). Обѣдню совершалъ соборне протоіерей храма Спасителя съ пятью священниками, и 3-мя діаконами. Грустная и печальная торжественность службы, тихое и заунывное похоронное пѣніе, толпа молящихся стоящихъ съ поникнутыми головами и набожно осѣняющихъ себя крестнымъ знаменемъ, тишина, среди которой по временамъ слышались печальные вздохи лицъ, окружающихъ гробъ,—все это давало всякому чувствовать, что въ данную минуту совершается что то таинственное, торжественное и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное. Видъ смерти, которая всегда производитъ на человѣка впечатлѣніе ужаса и вмѣстѣ тре-

петнаго благоговѣнія, которыя какъ-то невольнo понуждаютъ человѣка къ самоуглубленію, къ вдумчивости въ себя, — тѣмъ болѣе видъ такой ужасной смерти не могъ не придать сознанію человѣка особенной изощренности, — дѣлалъ человѣка чуткимъ и воспріимчивымъ къ явленіямъ другаго міра, — оцутительность дѣлалась острѣе и чувствомъ своимъ человѣкъ зрѣлъ соприкосновеніе двухъ міровъ... И жарко молилась толпа объ упокоеніи усопшаго. Вонъ тамъ — въ углу какой-то старичекъ тихо отираетъ рукавомъ бѣгущія по лицу слезы. Онъ что то шепчетъ.. Бѣдный, быть можетъ, онъ самъ предчувствуетъ, что скоро ему придется умереть, — и плачетъ онъ, что нѣтъ у него любящей руки, которая закрыла-бы его глаза; быть можетъ, добрый старичекъ плачетъ о насъ, молодыхъ людяхъ, которые не умѣютъ беречь своего здоровья, слишкомъ полагаются на себя и кончаютъ тѣмъ, что въ какія нибудь 25 — 30 лѣтъ своей жизни оставляютъ убитую горемъ молодую жену, иногда съ дѣтьми, на произволь судьбы, — между тѣмъ какъ онъ, старичекъ, никому не нужный, въ тягость себѣ, живетъ до глубокой и дряхлой старости.

Литургія окончилась. Изъ алтаря вышли 12-ть священниковъ съ предстоятелемъ — протоіереемъ храма Спасителя и заняли мѣста по обѣ стороны гроба. Въ храмѣ была мертвая тишина... чего-то ждали, на средину вышелъ іеромонахъ о. Сергій (профес Москов. академіи) и съ глубоко прочувствованною, сильною рѣчью обратился къ усопшему. Но не успѣлъ онъ сказать и десяти словъ, какъ вдругъ раздирающіе душу крики потрясли всѣхъ присутствовавшихъ: «Боже мой, научите-же, что мнѣ дѣлать!»... Нужно-ли пояснять эти слова? Нужно ли говорить о той боли и горечи, съ кавою они вырвались изъ старческой груди матери?!.. Проповѣдникъ продолжалъ. Обрисовавъ положеніе и судьбу умершаго, онъ перешелъ къ состоянію душъ въ загробномъ мірѣ, говорилъ о таинственномъ соединеніи душъ въ томъ мірѣ и указалъ, что это временное разъединеніе любящихъ душъ вознаградится будущимъ, тѣснѣйшимъ единеніемъ, что слѣдовательно смерть не на всегда разъединяетъ насъ другъ отъ

друга. По окончаніи рѣчи началось отпѣваніе. Въ глубокомъ безмолвіи прошелъ этотъ торжественно печальный, напутственный голосъ Церкви умершему. Въ концѣ провода, послѣ «Слава въ вышнихъ Богу» была сказана другая рѣчь, студентомъ IV курса Московской академіи А. М. Клитинымъ *). Въ этой рѣчи были высказаны послѣднія пожеланія умершему и послѣднее «прости» отъ товарищей студентовъ... Наконецъ наступило время отдать послѣднее цѣлованіе умершему. Перо не въ состояніи передать тѣ ужасныя мученія, съ которыми молодая жена пошла на послѣдній, прощальный поцѣлуй съ умершимъ мужемъ. Съ трудомъ взяли ее отъ гроба, неистовые крики потрясли воздухъ и бѣдная упала безъ чувствъ... (такъ что говорятъ даже не было замѣтно біенія пульса). А мать? Она не могла удержаться на ногахъ при гробѣ и тутъ же упала... Увели и эту страдальцу... Простились наконецъ и всѣ присутствовавшіе.

Вскорѣ похоронная процессія медленнымъ шагомъ потянулась отъ церкви Екатерины мученицы къ Пятницкому кладбищу. На пути служили литіи, — трезвонъ раздавался во всѣхъ церквяхъ, мимо которыхъ направлялась процессія — встрѣчавшійся людъ, обнажая голову, творилъ крестное знаменіе, слышались вопросы: «кого хоронятъ?», — высказывались сожалѣнія, — произносилось «царствіе небесное!» умершему, а гробъ между тѣмъ тихо и незамѣтно подвигался къ мѣсту. Вотъ уже и кладбище. Священнослужители — тѣ, которые для того опередили похоронную процессію, — встрѣтили ее у кладбища, отслужена была литія, — и гробъ тихо потянулся по направленію къ вырытой могилѣ. Вотъ и «вырытая заступомъ яма глубокая». Началась литія; Гробъ стали опускать въ могилу.... два пронзительныхъ крика: «Миша!» раздирающе пронесли въ холодномъ воздухѣ, — и наступила тишина, ужасная своимъ

*) Нѣкоторые товарищи и друзья покойнаго о. Михаила, которые небыли на погребеніи, высказывали глубокое сожалѣніе по этому поводу. Причиной же ихъ отсутствія было то, что они не могли своевременно узнать о мѣстѣ отпѣванія.

безмолвіемъ... Всѣ въ какомъ-то забытіи смотрѣли на падающую въ могилу землю, на гробъ мало по малу скрывающійся подъ землею и многое-многое думалось каждому, много говорилъ сердцу cadaго этотъ шумъ падающей земли.

(Моск. Ц. Вѣд.).

